

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (7)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мельникова О.М.</i> Историографические размышления в связи с юбилеем В.Ф. Генинга	6
<i>Голдина Р.Д.</i> В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье	26
<i>Черных Е.М.</i> О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века)	46
<i>Журавлева Г.Н.</i> Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга	69
<i>Лецинская Н.А.</i> «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки	92
<i>Останина Т.И.</i> Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру	114
<i>Руденко К.А.</i> В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии	136
<i>Шутова Н.И.</i> Археолого-этнографические исследования в Удмуртии	149
<i>Овчинникова Б.Б.</i> Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года)	166
<i>Макаров Л.Д.</i> В.Ф. Генинг и русские памятники Вятского края	194
<i>Смагулов Е.А.</i> Бронзовый амулет из Сидака	206
<i>Владимиров Г.В.</i> Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения	223
<i>Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.</i> К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V	233

Археология и естественные науки

<i>Колода В.В., Чендев Ю.Г., Борбукова Д.А., Дудин Д.И.</i> Эволюция почв и природной среды на южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области)	247
---	-----

Критика и библиография

- Богачев А.В.* Рец. на: Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск, 2012. 472 с., илл.268
-

Хроника

- Ситдинов А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году275
- Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014)284
- Казаков Е.П., Измайлов И.Л.* Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014)287
- Список сокращений291
- Правила для авторов293

CONTENTS

Articles

Melnikova O.M. Historiographical thoughts in connection with the anniversary of Vladimir Fedorovich Gening6

Goldina R.D. V.F. Gening and research problems of the glyadenovo- pyanoborye times in the Cis-Urals region26

Chernykh E.M. On the dwellings of the Glyadenovskaya culture and some aspects of adaptation to natural conditions and features of economic activities by the ancient Permians (back to V.F. Gening's researches during the middle of XX century)46

Zhuravleva G.N. Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations69

Leshchinskaya N.A. «Sacrificial sets» of the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka river basin92

Ostanina T.I. Evolution of V.F. Gening's views and other researcher's ones on the Mazuninskaya culture114

Rudenko K.A. V.F. Gening and issues on the archaeology of Volga Bulgaria136

Shutova N.I. Archaeological-ethnological researches in Udmurtia149

Ovchinnikova B.B. Isker – Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968)166

Makarov L.D. V.F. Gening and Russian archaeological sites in the Vyatka river region194

Smagulov E.A. Bronze amulet from Sidak206

Vladimirov G.V. Question mark shaped earrings from Danube Bulgaria (the XIII–XIV cc.): origin and area of spread223

Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arkhangelsky M.S., Pavlenko Ju.A., Sheremet'ev A.G. Concerning the issue on attribution of the Golden Horde placues from the mound ground the Malyaevka-V233

Archaeology and Natural Sciences

Koloda V.V., Chendev Yu.G., Borbukova D.A., Dudin D.I. Evolution of soils and natural environment in the south area of the east european forest-steppe (on example investigation of the hill-forts located in Kharkov oblast)247

Critique and Bibliography

Bogachev A.V. Review of the book:

Goldina R.D. The Nevolino cemetery of the VII–IX cc.
in the Perm Cis-Urals region. Proceedings and researches
of the Kama-Vyatka archaeological expedition.

Izhevsk, 2012, vol. 21, 472 p., ill.268

Chronicle

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Research activity by National Center
of Archaeological studies of Institute of History of

Tatarstan Academy of Sciences in 2013275

*Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G., Aydarova G.N.,
Zabirova F.M., Nugmanova G.G., Khabibulin M.M.*

In memory of S.S. Aydarov (1928–2014)284

Kazakov E.P., Izmaylov I.L.

Ravil Gabdrakhmanovich Fakhрутdinov (1937–2014)287

List of abbreviations291

Rules for authors293

УДК 903.3(470.51)(045)

**О ЖИЛИЩАХ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И
НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ ПЕРМЯН
К ПРИРОДНЫМ УСЛОВИЯМ И ОСОБЕННОСТЯМ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

(ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИССЛЕДОВАНИЯМ В.Ф. ГЕНИНГА
СЕРЕДИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА)

© 2014 г. Е.М. Черных

В статье анализируются типовые признаки верхнекамского жилища финала раннего железного века, ставшие «визитной карточкой» гляденовской культурной общности – так называемого федотовского типа. Данные о жилищах, изученных В.Ф. Генингом на Федотовском городище, за прошедшие полвека существенно дополнены материалами вновь раскопанных поселений. Высказывается мнение, что различия в технике строительства жилищ ам на разных гляденовских памятниках не всегда являются культурно-хронологическим признаком, но часто носят адаптивный характер, т.е. зависят от окружающей природной среды. Предложенный в ранних работах В.Ф. Генинга вариант реконструкции федотовских жилищ также требует корректировки, которая по ряду признаков предлагается автором.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, гляденовская культура, поселения, жилища, строительная техника, адаптация, хозяйственный тип, реконструкция.

Жилища гляденовской культуры (в современной номенклатуре – общности) до середины прошлого века не были известны археологам. Впервые они были выявлены в ходе раскопок Федотовского городища вблизи современной Перми, проводившихся областным краеведческим музеем под руководством одного из наиболее талантливых учеников О.Н. Бадера – В.Ф. Генинга. Первоначально, в силу малоизученности верхнекамских культур первых веков новой эры, молодой исследователь отнес полученные им материалы к раннему средневековью, как об этом он пишет в своей автобиографии (Генинг, 2003, с. 159). В последующем, с накоплением материалов, его отношение к этому па-

мятнику, по-видимому, неоднократно пересматривалось¹. В настоящее время место городища в системе культурных ареалов Верхнего Прикамья (как, впрочем, и территориально-хронологические позиции самой гляденовской культуры) по-прежнему, остается в эпицентре научных дискуссий (Поляков, 2001, с. 10–19; Перескоков, 2013).

¹ Во всяком случае, в монографической публикации пьяноборских материалов из Удмуртского Прикамья он однозначно характеризует федотовские жилища как гляденовские (1970, с. 20), а позднее предлагает относить их к самостоятельной культуре III–V вв. – гаревской (1980, с. 131; 1988, с. 193).

В рамках данной статьи предлагается вновь вернуться к самому узнаваемому типу гляденовских жилищ – федотовскому, прежде всего к его конструктивным особенностям, и поставить вопросы уровня строительной техники верхнекамского населения в начале средневековья. Это тем более важно с учетом частоты обращения археологов к экспериментальной и реконструктивной археологии.

В.Ф. Генинг, обращаясь к определению культурной специфики памятников Прикамья, рассматривал жилища в числе важнейших артефактов, характеризующих региональные археолого-этнические комплексы (1959, с.175; 1988, с. 17–22). Своеобразие гляденовской культуры он видел, и при сравнении верхнекамских жилищ с осинскими и чегандинскими Среднего Прикамья. При этом следует подчеркнуть, что в распоряжении исследователя были жилищно-бытовые комплексы только одного памятника – Федотовского городища.

Федотовское городище находится на территории пермского локального варианта культуры, в мулянской группе, где сосредоточено наибольшее количество гляденовских памятников, в том числе и известное Гляденовское костыще (Поляков, 2001, с. 10; Перескоков, 2013, с. 59, карта). Памятник занят деревенской застройкой и огородами. В результате долговременной глубокой распашки верхний горизонт культурного слоя (средняя мощность его составляет около 50 см) сильно разрушен; строительные остатки позднего периода сохранились в виде отдельных очагов и глинобитных очажных площадок. На основании стратиграфических наблюдений и планиграфического анализа В.Ф. Ге-

нингом выделены 8 комплексов, отождествленных с остатками жилищ. Четыре из них отнесены к раннему периоду существования поселения и четыре – к позднему (Генинг, отчет за 1954 г.). Комплексы включали 1–2 очага; в ранних – рядом с очагами присутствует еще и хозяйственная яма. Два жилища сохранились почти полностью (№1 и №2), что позволило В.Ф. Генингу предложить свое видение внешнего вида и интерьера гляденовского дома (1970, с. 20–21).

Наиболее полно сохранились остатки жилища I, оконтуренного канавкой шириной 30–40 см и такой же глубиной (рис. 1–3). В заполнении канавки встречены угольки, зола, кости животных. Земля, выброшенная из канавки, была использована для сооружения небольшой завалинки между нею и стенами дома. От самой стены, вдоль западной канавки сохранились следы обугленных бревен толщиной 25–30 см. По характерному изгибу канав, образующих в середине длины дополнительный угол, В.Ф. Генинг допускал шестиугольную форму основания жилища. Эти дополнительные углы, по его мнению, образовались за счет соединения боковых бревен, длина которых (18 м) вынуждала строителей использовать два бревна, соединять же их встык еще не умели. Думаю, что форма дома все же была прямоугольной (об этом свидетельствует длительная практика строительства местным населением прямоугольных домов различной длины), а изогнутость канавок (не стен!) была обусловлена своеобразием способа соединения двух бревен². Правда, не-

² Примечательно, что в большой постройке, исследованной недавно на селище Крылово-4, также зафиксирован изгиб

обходимо заметить, что длина бревен вряд ли была 18 м; такую длину имели канавки, но не стены постройки. Стволы сосны или ели (чаще всего используемых в пермском домостроительстве пород хвойных), идущие на устройство сруба, имеют несущественный для этой конструкции перепад толщины от комля к вершине при длине 6–10 м (Громов, 1985, с. 321). Это и был своеобразный строительный модуль. Если обратиться к археологическим свидетельствам, то легко можно убедиться, что длина стен срубных домов, изученных на средневековых поселениях в разных районах Восточной Европы, редко превосходит данный показатель. Тот же размер – 6 м – можно видеть в ширине федотовского жилища. Для поперечных стен вполне можно было подобрать цельное ровное бревно диаметром 25–30 см. Другое дело – длинные стены, размер которых, если следовать длине продольных канавок в постройке I (без учета входного тамбура) составлял около 16 м. Ровное бревно такой длины найти практически невозможно. Так что составной характер бревенчатой стены в федотовском жилище был задан естественным образом. Столбовую технику в устройстве стены следует исключить, поскольку следы столбов по периметру стен не зафиксированы ни разу за все время исследований городища. Наиболее популярным способом «сращения» длинных стен в плотницком ремесле было использование промежуточных столбов-контрфорсов, слегка выступавших за контур стены (Ганцкая, 1967, с. 174–175). Окапыва-

в средней части длинных стен (Васильева, Перескоков, 2013, рис. 1).

ние стен при этом требовало отступа от вертикальных стоек. Показательно, что в средней части канавки жилища заметно расширение, которое могло образоваться при разрушении смежной стенки канавки и столбовой ямки. А если обратиться к чуть более позднему Зародятскому селищу, то яма от вертикального столба зафиксирована в средней части длинной стены жилища II, непосредственно в границах канавки.

Длину боковых стен ограничивала поперечная канавка, перегораживавшая постройку и делившая ее на два помещения – жилое и входной тамбур. Если бы входное помещение представляло собой тамбур, образованный выпуском бревен боковых стен (то есть вся постройка представляла собой цельную конструкцию, как об этом писал В.Ф. Генинг), то необходимость устройства канавки внутри дома становится совершенно не объяснимой. Скорее всего, тамбур был самостоятельной пристройкой шалашевидного типа, примыкавшей к торцовой стене дома, как это можно было видеть в устройстве коми-пермяцких бань еще в XIX веке (Рогов, 1858, с. 112). Из этнографии хорошо известно, что именно в конструкции бань и хозяйственных построек дольше всего сохраняются архаичные приемы строительства.

Перекрытие федотовского жилища восстанавливается как двускатное на столбах, два ряда ям от которых сохранились во втором жилище. Присутствие внутренних столбов, использовавшихся в устройстве перекрытия и служивших опорами для укладки продольных слег, свидетельствует, скорее, в пользу того, что стены сруба еще не были устойчивыми. Такие

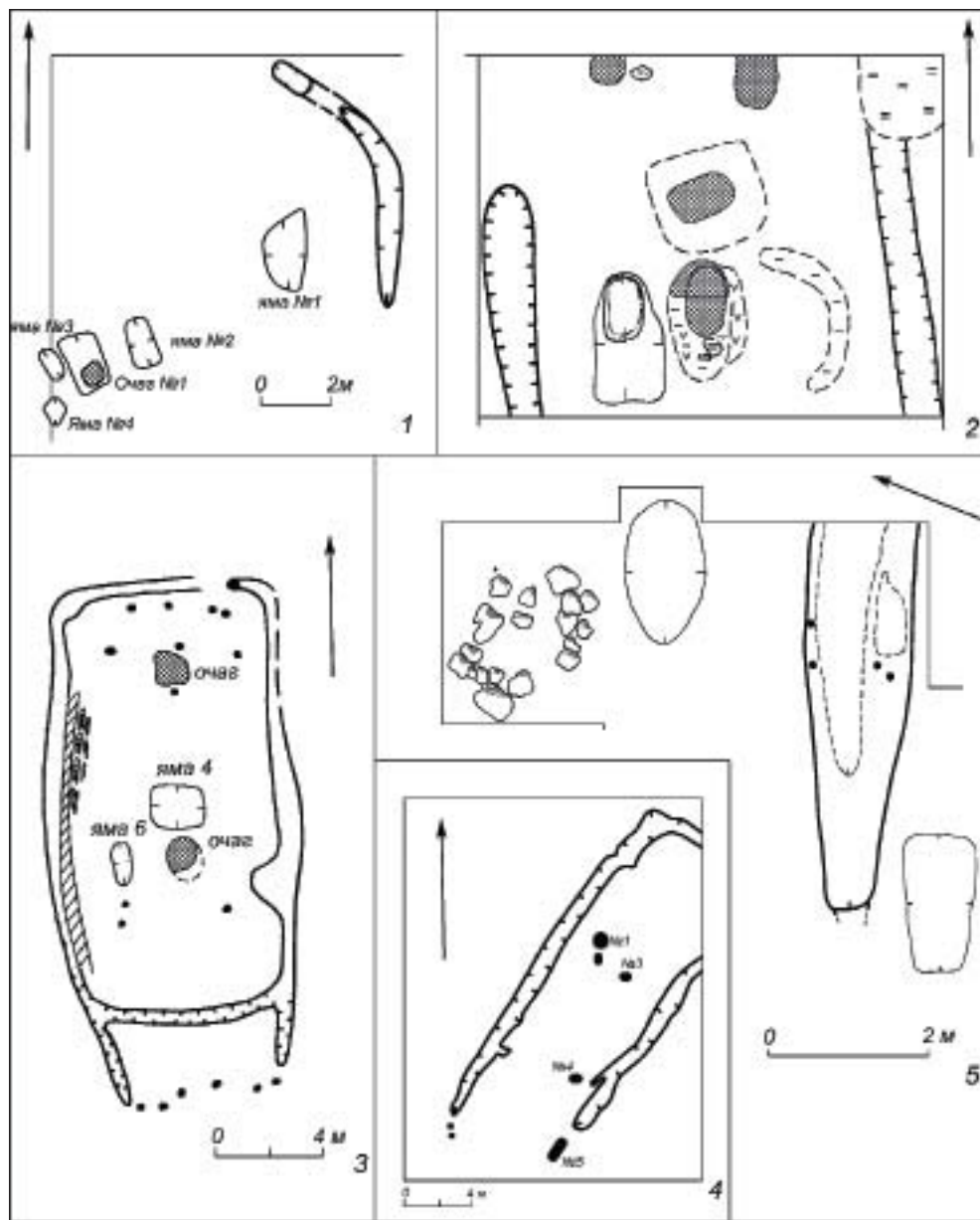

Рис. 1. Жилища федотовского типа в Верхнем Приамье:
1 – Заюрчимское I поселение; 2, 3 – Федотовское городище;
4 – Поселение Косогоры I; 5 – селище Пеньки

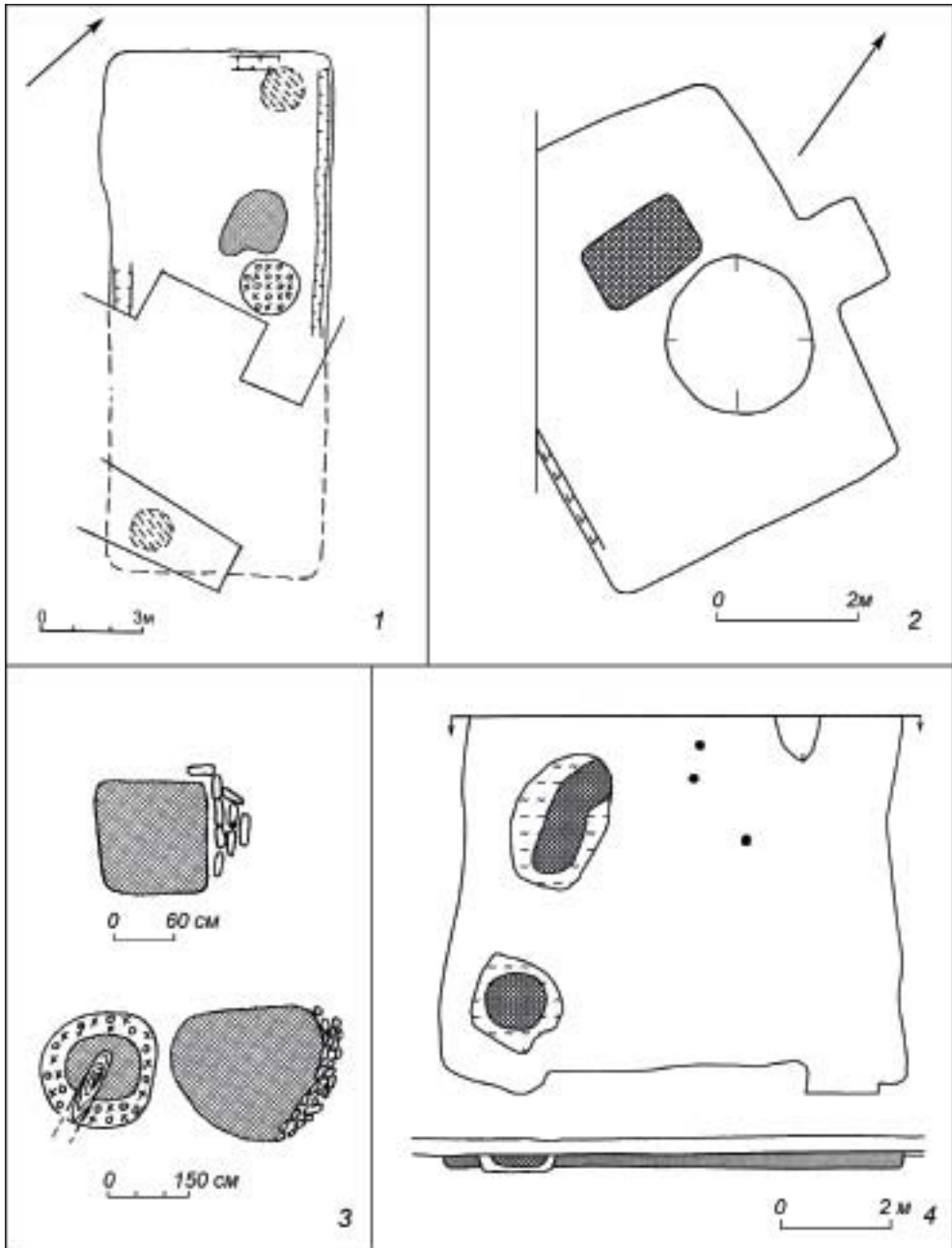

Рис. 2. Жилища начала новой эры в Среднем Прикамье:
 1 – Осинское городище; 2, 4 – селище Верхний Ирьяк;
 3 – раннегляденовские очаги

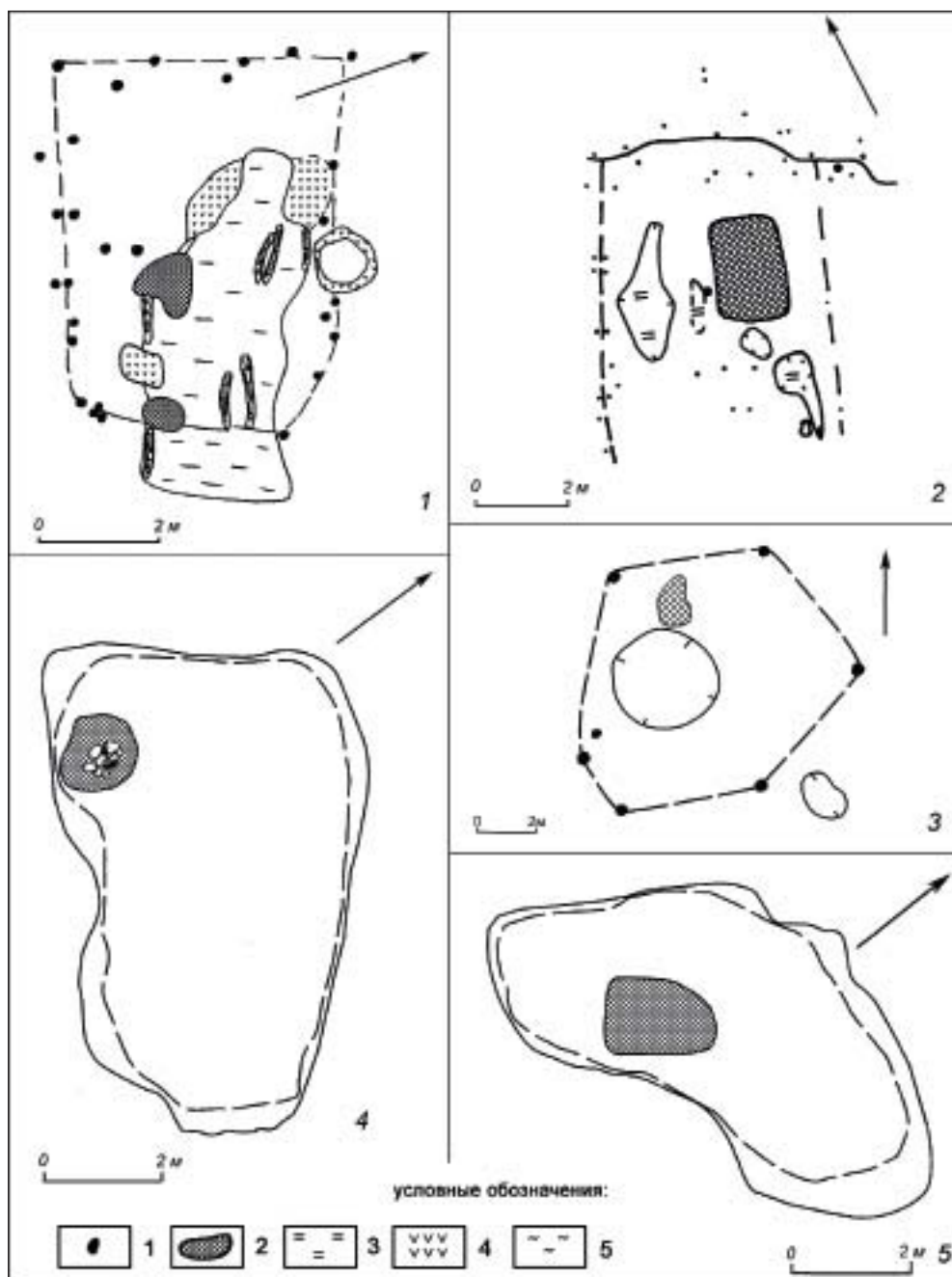

Рис. 3. Жилища столбовой конструкции поселений Верхнего Прикамья:
 1 – Черновское I городище; 2 – Заосиновское поселение;
 3 – Коновалытское селище; 4, 5 – поселение Нижняя Курья-16.
 Условные обозначения: 1 – столбовые ямы; 2 – очаги;
 3 – прокаленная глина; 4 – уголь; 5 – зола

столбы, очевидно, были необходимы тогда, когда стены не обладали прочностью, достаточной для того, чтобы нести тяжесть перекрытия при больших размерах жилища. Схема устройства такого перекрытия в культурах лесной зоны известна с глубокой древности, когда на вертикальные столбы-опоры укладывались продольные слепи. Значительная площадь помещения, которую надлежало перекрыть, безусловно, требовала центральной князевой слепи. Но поскольку столбов по продольной оси дома не зафиксировано, надо полагать, что она могла опираться на поперечные перекладины, уложенные в развилки крайних несущих столбов. Заметим попутно, что небольшие жилища в Прикамье (с длиной стен 3–4 м) столбов, несущих перекрытие, не имели (как правило, это средневековые жилища неволинской, чепецкой культур). В них не было необходимости. Несущими в таком жилище являлись сами стены.

И крыша, и стены такого жилища в условиях холодной приуральской зимы требовали дополнительного утепления. В материалах для покрытия крыши в лесном Прикамье недостатка не было – это и жерди, и листва, и дерн. Исследователи неоднократно отмечали в слоях средневековых поселений фрагменты шитых пластин бересты и корья – материала, который очень широко использовался в местной домостроительной практике вплоть до этнографической современности. В слое разрушения осинского жилища В.Ф. Генингом также засвидетельствованы полосы толстого корья шириной 12–15 см (1959а, с. 176). Одним из приемов утепления жилища у разных народов являлась завалинка (перм. «мудёт») (Белицер, 1958, с. 174). Гли-

на для устройства завалинки бралась тут же, из намеренно выкопанных канавок. М.Л. Перескоков, анализируя особенности подстилающих слоев на поселениях, сделал очень важное наблюдение: там, где дома строились не на глинах, а на рыхлых грунтах или супесях, канавки по периметру стен не зафиксированы (2013, с. 236). Это значит, что гляденовцам были уже хорошо известны свойства низкой теплопроводности глины и ее намеренно использовали при утеплении основания стены, устройстве глинобитных полов и очагов. Возможно, также могли замазывать щели между бревнами сруба (на остатки такой глиняной обмазки, без следов температурного воздействия, археологи достаточно часто указывают, характеризуя культурные слои гляденовских поселений).

Внутреннее устройство жилища, как уже отмечено выше, характеризовалось устойчивым сочетанием двух очагов на земляном полу и хозяйственных ям рядом с одним из них. Очаги – пятна прокаленного грунта овальной или прямоугольной формы, иногда с подсыпкой мелкого галечника. Эту деталь обустройства очагов, по-видимому, правильнее будет рассматривать как общерегиональное явление, как результат действия адаптивных механизмов культуры³. Гляденовские очаги были, несомненно, полифункциональными. Так, в федотовском жилище рядом с очагом в центре располагались две хозяйственные

³ Очаги с галечниковой подсыпкой встречаются повсеместно еще с позднеананьинского времени, как в гляденовских жилищах на Каме (Осинское городище, поселения Заюрчим VI, Пермь губернская), так и на Вычегде (Васкул, 1994, с. 16).

ямы: большая служила кладовкой-хранилищем, а меньшая – выгребной, в нее выгребалась зола из костра. Второй очаг находился в глубине жилого помещения, ближе к северной стене. По обе стороны от него зафиксированы две столбовые ямки. Кострище не имело галечниковой подсыпки – от него, очевидно, не требовалось длительного сохранения тепла. Вполне возможно, что использовалось оно периодически, постоянным же был очаг IV, являвшийся основным в доме. Аналогичное устройство наблюдалось в остальных жилищах раннего периода, изученных позднее в мысовой части площадки городища (Соболева, 1986, с. 158).

Думаю, что федотовский дом был двухчастной постройкой, состоявшей из двух самостоятельных частей – жилой и тамбура-сеней. Следов дополнительного разделения жилого помещения не выявлено, хотя его нельзя исключать. К сожалению, ход раскопок жилищ в начале 1950-х годов должным образом не документирован. Оттого же, насколько качественно зафиксирован объект, зависит возможность вернуться к нему в процессе дальнейшего изучения. Для изучения археологического жилища точная фиксация находок в его границах крайне необходима. В случае с федотовскими жилищами нам остается опираться только на визуальное восприятие вычерченного плана объекта. Чертеж, как представляется, позволяет дифференцировать внутреннее пространство федотовских жилищ. Обращает на себя внимание устойчивость плановой схемы (что подтвердилось и последующими раскопками этого памятника и других, с таким же типом построек). В основной камере выде-

ляются три локуса: центральный – с очагом и ямами, а также пространство в передней и задней части помещения. Между главным очагом и входом часть помещения выглядит свободной; здесь зафиксированы лишь несколько столбовых ямок. Кстати, эти ямки вполне могли остаться от легкой перегородки – дополнительного препятствия на пути проникновения холодного воздуха, или, что также нельзя исключать, для домашних животных, оставленных на зиму и содержавшихся в доме, чему можно привести немало этнографических параллелей. Задняя половина дома с небольшим очагом могла служить спальным помещением и одновременно местом для выполнения различных домашних работ. Здесь вдоль стен были устроены дощатые помосты для сна и отдыха. Очаг был необходим как источник дополнительного освещения, тепла и, возможно, иногда для приготовления кипятка. Перегородка между центральной и спальней частью помещения отсутствовала. В случае же возникновения необходимости в ней, пространство можно было перегородить с помощью, например, развешивания полотнищ из звериных шкур. Обнаружить археологические следы таких внутренних стен практически невозможно.

Остатки жилищ в верхнем слое городища еще более фрагментарны (рис. 1–2). От них сохранились только очажные устройства, отличающиеся от более ранних. Дальнейшее развитие они получают, приобретая глиняную «подушку» в качестве очажного основания. Этот своеобразный пьедестал имел правильную четырехугольную форму с ровными вертикальными краями, что предполагает наличие де-

ревянной опалубки из плах или досок. Размеры такой подушки варьируются в пределах от 1 до 2,5 м, а толщина – от 10 до 25 см. Попутно можно напомнить о сохранении у гляденовцев такой черты, как глиняная подмазка пола (появилась еще в позднеананьинское время (Черных, 2008, с. 46), что правомерно рассматривать в контексте благоустройства жилого помещения, а также как фактора сохранения в доме тепла (Перескоков, 2011, с. 233). О приспособительном характере данной новации, по-видимому, свидетельствует ее повсеместное бытование в финале раннего железного века Прикамья⁴ и в последующее время.

Фрагментарность последних материалов не нарушает выявленного единства общих для всех жилых сооружений признаков: 1) канавки вдоль стен; 2) внутри ограниченного пространства – два очага, хозяйственные ямы, расположенные рядом с центральным очагом. Общими для жилищ федотовского типа признаками можно также считать прямоугольную форму и наземный характер, отсутствие столбов по периметру стен.

За прошедшие после раскопок Федотовского городища годы в изучении гляденовских поселений сделан серьезный прорыв как количественный, так и качественный. Благодаря масштабным разведочным и стационарным исследованиям, проводимым археологами в зонах хозяйственного строительства, выявлены новые памятники в восточных районах Удмуртии, на Сылве и в Тулвинском поречье. Они расширили ареал освоенных гляденовцами прикамских территорий,

позволили собрать новый материал, характеризующий особенности расселения и динамики поселенческих структур в финале раннего железного века. Существенно пополнилась и выборка раскопанных на поселениях жилых построек.

М.Л. Перескоков выделяет среди гляденовских поселений городища (убежища и жилые центры) и селища (долговременные и сезонные, связанные с различными промыслами или циклами хозяйственной деятельности), указывая при этом на взаимосвязь типов поселений и сооружений в них (2013а, с. 11–12). Действительно, в литературе можно найти немало фактов, иллюстрирующих взаимозависимость хозяйственных практик традиционных социумов и топографии поселений, мощности культурного слоя на них, особенностей строительной и хозяйственно-бытовой деятельности, внутренней организации освоенного пространства. Являясь важнейшим элементом системы жизнеобеспечения и представляя собой наиболее «очеловеченную часть искусственной среды», жилище в традиционном обществе было тесно связано не только с обществом, образом его жизни, хозяйственной деятельностью, но и находилось в тесной зависимости от природы, экологического окружения, в которых эта деятельность была возможна, необходима и достаточна для функционирования данного конкретного социума (Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 34–73). Попытаемся этот тезис рассмотреть на материалах гляденовских жилищ.

Показательна топография неукрепленных гляденовских поселений: селища в поймах рек и селища на террасах, различных по высоте и близо-

⁴ Яркий пример – жилища чегандинской культуры (Зуевы Ключи, Кухтино).

сти к основной реке. Исследованные раскопками селища различались по характеру культурных слоев и содержащихся в них остатков жизнедеятельности. Что стоит за отмеченными особенностями: разновременность? разнокультурные группы? сезонные различия в функционировании поселений? К сожалению, культурные напластования гляденовских поселений до сих пор не являлись объектом системных междисциплинарных исследований; во всяком случае, в литературе отсутствуют данные о почвенно-литологических характеристиках поселенческих слоев, палинологических спектрах, позволяющих воссоздать одновременный ландшафт, климат и способы жизнедеятельности их обитателей. Перспективы такого сотрудничества уже хорошо известны, достаточно ознакомиться с результатами изучения систем природопользования в окрестностях Дьякова городища (Кренке, 2011). Целенаправленные исследования поселений с привлечением ученых-естественников проведены в последние годы в Нижнем Прикамье, их предварительные итоги уже можно использовать для некоторых выводов (см.: серия выпусков «Археология и естественные науки Татарстана»).

Территория распространения основных памятников гляденовской культуры находится в подзоне южно-таежных лесов с умеренно-континентальным климатом. Считается, что зональные особенности природных ландшафтов современности сложились в субатлантический период (SA) голоцена – 2500–2000 л.н. Безусловно, условия внешней среды за прошедшие тысячелетия изменялись⁵. При этом

специалисты единодушно констатируют заметное похолодание на границе суббореального и субатлантического периодов (Немкова, Климанов, 1988, с. 69; Спиридонова, Алешинская, 2004, с. 34–35; Бакин, 2009, с. 166), после чего, на протяжении I тысячелетия н.э., наблюдалось еще не менее двух похолоданий, разделенных периодами небольшого повышения температур (заметим, что температурные показатели июля были несколько ниже, чем ныне). Но осадков выпадало больше чем сейчас, т.е. влажностный режим характеризовался более высоким показателем (Немкова, Климанов, 1988, с. 69–70). С началом субатлантической фазы территории Верхнего и Среднего Прикамья, по-видимому, целиком включаются в ареал елово-пихтовых лесов; около 2000 лет назад распространение пихты сибирской (*Abies sibirica*) отмечено вплоть до бассейна Вятки на западе (Прокашев, Жуйкова и др., 2003, с. 84–85). Увеличивается доля пыльцы хвойных (ели и сосны) в палинологических спектрах Нижнего Прикамья и р. Белой (Немкова, 1978, с. 28, 39–40, рис. 16). Такие условия трудно назвать благоприятными для земледелия, что в некоторой степени подтверждается палинологическими образцами, полученными при раскопках пьяноборского Тойгузинского II городища (I в. н.э.), в которых зерна культурных злаков не выявлены (Бугров, Линкина и др., 2011, с. 234–235). Вместе с тем, в районах к западу от Волги, где целая серия палинологиче-

чительные изменения в растительном покрове и колебаниях климата на примере ряда памятников раннего железного века бассейна р. Оки (Алешинская, Спиридонова, 2003, с. 4–5; Кренке, 2011, с. 173–193).

⁵ Показательны в этом плане результаты, демонстрирующие довольно зна-

ских спектров дает весьма похожие результаты, именно период около рубежа эр отмечен активным сведением лесов и расширением зоны земледелия (Алешинская, Спиридонова, 2002, с. 71).

Хозяйство гляденовцев, занимавших главным образом широкую долину Камы, от устья Обвы до Тулвы, с развитой сетью рек и оврагов, исследователями реконструируется как комплексное скотоводческо-земледельческое, с подчиненной (Поляков, 2001, с. 15–17) или высокой (Перескоков, 2013, с. 13) ролью охоты и рыболовства. Ю.А. Поляков допускал, что животноводству в этом комплексе отводилась более важная роль, нежели земледелию (помимо высокой доли домашних животных в составе археозоологических коллекций с поселений, поражает количество домашнего скота, забивавшегося в ритуальных целях, что демонстрируют материалы костяк).

Учитывая тяготение основной массы гляденовских поселений к прикраевым участкам надпойменных террас, появление в обиходе орудий железного топора и мотыги, можно, очевидно, согласиться, что их обитатели практиковали подсечно-огневое земледелие. Для системы расселения в гляденовское время становится характерной группировка от 2 до 7 поселков на расстоянии не более 1,5 км друг от друга (Перескоков, 2013, с. 12). На уровне современных знаний мы, к сожалению, до сих пор не располагаем достаточными основаниями для синхронизации таких поселений – они могли существовать в разные хронологические интервалы. Но сам по себе факт избирательности гляденовцами мест обитания, стремление сохранить освоенный участок за по-

томками одного социума – свидетельство его длительного приспособления в окружающем пространстве. Имеются отдельные факты, указывающие на состав культивируемых злаков: скопления зерен обнаружены в жилище II (рис. 2–1) на Осинском городище, где они хранились в каких-то специальных емкостях. По заключению А.В. Кирьянова, зерна принадлежали пшенице двузернянке (72,5%), ячменю (27,5%), мягкой пшенице и овсу (единичные зерна) (Генинг, 1959 а, с. 176). Такой смешанный состав зерновых, при высоком удельном весе теплолюбивых культур, использовался в лесной зоне Прикамья на протяжении всего I тысячелетия н.э. и, как полагают, был обусловлен преимущественно подсечно-огневым характером земледелия (Туганаев, Ефимова, 1985, с. 28–29; Туганаев, Туганаев, 2007, с. 29). Подсечно-огневая система, как весьма приспособленная для непростых природно-климатических условий Северной Евразии, предполагала периодическое забрасывание земледельцами лесных участков и расчистку новых (Петров, 1968). В какой-то мере это могло вызывать периодическую смену мест обитания, а также служить объяснением дискретности (прерывистости) культурных напластований на ряде долговременных поселений (Гусаков, 2006, с. 36–39). Следствием такой системы хозяйствования могут служить и гляденовские поселения, открытые в последние годы в глубине коренных террас, по берегам малых речек и оврагов (Верхний Ирьяк). Участник «академических экспедиций 18 в.» И.И. Лепехин в путевых записках о коми-пермяках отмечал, что «...среди огромных лесов, в которых они пространные вы-

рубают места и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев...» (цит. по: Голдина, 1985, с. 146). Для землепользования русских крестьян Северного Урала в XVI–XVII вв. этнографы также указывают на наличие ближних, дальних и отъезжих полей, разрабатывали которые наездом, а для удобства устраивали иногда становые с временной избушкой (Власова, 1991, с. 130). Животноводство, судя по составу археозоологических коллекций, было ориентировано на разведение лошадей и крупного рогатого скота с вольным выпасом летом и стойловым содержанием зимой. На третьем и четвертом местах находились свиньи и мелкий рогатый скот. Более половины домашнего стада забивалось на зиму, что было следствием трудностей в заготовке кормов и продолжительного периода бескормицы (Андреева, Петренко, 1976, с. 148).

По данным М.Л. Перескокова, современная источниковая база по гляденовским жилищам насчитывает более 60 объектов (2011, табл., с. 234–235). Но необходимо заметить, что в это число им включены памятники, содержащие культурные остатки, связанные с эпохой великого переселения – IV–VI вв. н.э. Внешний импульс в Прикамье, знаменующий собой конец раннего железного века и начало формирования раннесредневековой карты региона, хорошо представлен в погребальных памятниках типа харинских и бродовских курганов, Кудашевского на Тулве и Мокинского близ Перми (Генинг, 1959; Генинг, Голдина, 1973; Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990; Голдина, Савельева, 2010; Казанцева, 2004; Кулябина,

2006; Коренюк, Мельничук, 2006). На поселениях пришлый компонент выделен хуже, хотя эта задача не столь уж и безнадежна. Из опубликованных материалов следует, что коллекции поселений (прежде всего, керамические) имеют в своем составе смешанные комплексы, поэтому назревшей является задача более тщательной дифференциации групп керамики, связанной с ними. Можно сослаться на интересный опыт, предложенный И.Ю. Пастушенко для определения «мазунинского следа» в генезисе неволинской культуры (2007, с. 200–201). Выводы И.Ю. Пастушенко были в какой-то мере подтверждены и дополнены В.В. Мингалевым, выделившим с помощью кластерного анализа пять культурно-хронологических групп керамики памятников Среднего и Верхнего Прикамья в V–VI вв. (2009, с. 128–132). Перспективным, как это не раз демонстрировала археология, представляется детальный анализ динамики расселения в данный период, поиск и исследование однослойных (с коротким интервалом обитания) поселений, с типологически выразительными формами жилищ и керамики. Пока же новые черты в домостроительной культуре прикамского населения на грани эпох, которые можно было бы связать с воздействием внешних (миграционных) факторов, едва намечены (Черных, 2006; 2013).

Остатки жилых строений изучены как на поселениях в пойме, так и на высоких террасах (Перескоков, 2011, с. 233–234). Жилища федотовского типа открыты на поселениях Заюрчимском VI (рис. 1–1), Пеньки (рис. 1–5), Косогоры I, Болгарском VIII. Топография двух последних характеризуется высокими участками камских

террас. Селище Пеньки занимало поверхность высокой надпоймы левого берега р. Чусовой. Исключение в этом ряду составляет Заюрчим VI, расположение которого было приурочено к дюнообразному всхолмлению в пойме Камы. Культурный слой на всех перечисленных поселениях полностью разрушен глубокой распашкой, строительными работами или регулярным подтоплением, что не могло не отразиться на планиграфии находок. Состав индивидуальных находок, полученных на селище Пеньки (украшения, предметы быта и вооружения, более 20 железных ножей), а также количество фрагментов керамики (более 2-х тыс. на 70 кв. м), не оставляют сомнений в активной хозяйственно-бытовой деятельности его обитателей (Мельничук, Соболева, 1976). Аналогичным по назначению было и Болгарское VIII поселение, на площади которого (около 800 кв. м) были исследованы три жилых постройки с глинобитным полом, мощными очажными устройствами и ямами с культурными остатками. Предварительно памятник был датирован автором раскопок началом I тыс. н.э. (Коренюк, отчет за 1995 г.). Несколько по-особому выглядят материалы поселения Косогоры I, где на большой площади (более 1,5 тыс. кв.м) были изучены два обособленных сооружения, конструктивно идентичных федотовским, но без очагов (рис. 1–4). Конечно, отсутствие очага можно объяснять сильной разрушенностью слоя позднейшей распашкой, но невыразительный характер находок, происходящих главным образом из межжилищного пространства, равно как и отсутствие на территории поселка иных объектов (Васильева, Перескоков, 2009, с. 26–28), не позво-

ляют поставить этот памятник в один ряд с долговременными поселениями. Скорее всего, мы имеем в данном случае одно из поселений, посещаемых в процессе циклической хозяйственной деятельности гляденовцев. На другом позднегляденовском поселении – Заюрчимском VI – находки концентрировались в основном в объектах (очаг и ямы) жилого сооружения и были представлены немногочисленной керамикой, пестами и зернотерками, пряслищем, костями животных (Коренюк, Перескоков, 2009, с. 419–421). По-видимому, и это был небольшой поселок, посещаемый в определенный сезон года. Для традиционных культур, чей образ жизни основывался на комплексной экономике, сочетавшей производящие и присваивающие отрасли, сезонные циклы могли иметь весьма различный характер и соответственно сложную систему зимних, летних, летне-осенних, осенне-зимних и т.д. поселков. Как следует из предложенного обзора, жилища с канавками по периметру стен в Верхнем и Среднем Прикамье в начале новой эры были присущи как долговременным поселениям, так и сезонным поселкам.

В то же время, например, на Пещерском городище (центральном в Пещерской группе гляденовских памятников) остатки жилищ имеют близкую к федотовским планировочную схему, но не имеют канавок и завалинок по периметру стен (Поляков, 2001, с. 24; Черных, 2008, с. 240, рис. 33). Пермские исследователи предполагают, что канавки могли быть разрушены распашкой (Коренюк, Перескоков, 2009, с. 420), но это предположение не позволяет принять стратиграфия раскопов, достаточно четко

демонстрирующая нижнюю границу слоя распахки – 25 см, тогда как остатки жилищ (очаги и ямы) зафиксированы на уровне – 30–40 см (Поляков, 2001, с. 22–24). Из этого следует, что пол жилищ находился еще ниже, и канавки, если таковые были, неминуемо должны были бы прорезать подстилающий суглинистый слой. Столь же выразительные жилища со слабозаглубленными в подстилающий слой котлованами (рис. 2–2,4) изучены пермскими археологами на поселении Верхний Ирьяк, характер которого до полной публикации материалов остается неясным (Коренюк, Мельничук, 2001, с. 51–55; Черных, 2008, рис. 34).

К тому же времени, что и Федотовское городище, относится поселение Нижняя Курья-1б (Мельничук и др., 2009, с. 411–418). В раскопе на площади более 2500 кв. м исследованы остатки шести близких по конструктивно-планировочным принципам сооружений со слабо углубленными основаниями аморфной конфигурации (рис. 3–4, 5), в четырех из них имелись небольшие очаги, с характерной галечниковой подсыпкой. Следов деревянных опор не прослежено ни внутри оснований, ни за их границами. Какой-либо системы в организации планировочного пространства поселения не отмечено, так что и в этом случае речь может идти об остатках сезонных строений, обустривавшихся не более чем на один сезон (например, летне-осенний) и не имевших прочных стен и перекрытий. Топография (край второй надпойменной террасы Камы, заросшей сосново-еловым лесом), невыразительность культурного слоя, бедность инвентаря (два каменных песта-терочника) и фрагментар-

ность керамических сосудов (не более 76) – характерные признаки недолговременного, периодически посещаемого, становища охотников и собирателей таежной зоны.

Совершенно другой тип жилища изучен на Черновском I городище. Остатки четырех построек жилого назначения, изученные В.А. Обориным и Н.В. Соболевой, фиксировались в виде глинобитных площадок, с которыми были связаны очаг и хозяйственная яма. Жилая площадь домов не превышала 22–25 кв.м. Основу конструкции стен здесь составлял каркас из вертикально установленных по периметру стен столбов, сгруппированных попарно (рис. 3–1). Принимая во внимание, что диаметр несущих столбов не превышал 8–15 см, сами стены постройки также не могли быть прочными настолько, чтобы выдержать холодные многоснежные уральские зимы, длящиеся 4–5 месяцев в году. Городище располагалось на территории, освоение которой происходило на финальном этапе гляденовской культуры и совпало с начавшейся дестабилизацией этнокультурной ситуации в регионе. Неоднозначность культурной атрибуции памятника не позволяет на данном этапе склониться к какому-то единственному объяснению подмеченных новаций в конструктивной схеме жилищ. Безусловно, необходимы дополнительные факты (Черных, 2013, с. 136).

Конечно, каркасные конструкции, в том числе с использованием приемов крепления горизонтальных жердей или бревен с помощью попарно установленных вертикальных стоек, были известны в практике прикамского домостроительства еще в ананьинское время (Заюрчимское I, Тарасовское

поселения) и в раннегляденовское (Заосиновское I; рис. 3–2). Но названные постройки связаны с открытыми поселениями, располагавшимися в обширной мулянской пойме, поселениями очень разными по времени бытования и длительности посещений. Комплекс жилищ Черновского городища все же выглядит на этом фоне иначе, как и давно известные в региональной литературе шестиугольные столбовые постройки Коновалятского селища (рис. 3–3), датировка и культурная принадлежность которого к харинскому этапу ломоватовской культуры Р.Д. Голдиной обоснована достаточно убедительно (1985, с. 81). Мне не хотелось бы сводить спор к типичности или нетипичности данного приема строительства в Прикамье (безусловно, использование каркасно-столбовых конструкций в строительной практике охотников и рыболовов тайги имеет очень древние корни). Важнее другое – устойчивость связи типа жилища (включая его конструкцию, форму, интерьер) со всем контекстом поселения.

А это контекст эпохи великого переселения народов, времени больших и малых миграций, докатившихся до самых отдаленных районов Среднего и Верхнего Прикамья. Данный вывод можно распространить и на такие характерные элементы гляденовского жилища, как устройство канавок по периметру стен, глинобитные полы и очажные устройства. Формирование элементов жилой среды в каждый конкретный отрезок времени находилось под воздействием различных факторов (Массон, 1976, с. 110–112) и потому требует очень осторожного и тщательного анализа. Вариативность техники строительства в гляденовское время, очевидно, следует рассматривать как с учетом временных рамок этой культуры, через призму природно-климатического окружения и хозяйственной деятельности оставившего ее населения, так и тех дезинтеграционных процессов, которые разрушили данную культурную систему на грани двух археологических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. – Вып. 213. – М., 2002. – С. 60–71.
2. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Изменения природной среды в бассейне р. Оки в железном веке // Экология древних и современных обществ. – Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С. 3–5.
3. *Андреева Е.Г., Петренко А.Г.* Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 137–189.
4. *Бакин О.В.* Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). – Вып. 8. – Елабуга, 2009. – С. 159–168.
5. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми // Тр. ИЭ: Новая серия. – Т. 45. – М., 1958. – 392 с.
6. *Бугров Д.Г., Линкина Л.И., Мельников Л.В., Николаева К.В.* К вопросу о землепользовании населения пьяноборской культуры (по материалам комплексного

исследования Тойгузинского II городища // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 4. – Казань, 2011. – С. 225–244.

7. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Охранные археологические работы в зонах реконструкции магистральных нефтепродуктопроводов в Пермском крае в 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). – Ижевск, 2013. – С. 42–48.

8. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Поселение Косогоры I // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 22–29.

9. Васкул И.О. Поселения пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.): науч. доклад / Коми научный центр УрО РАН. – Вып. 338. – Сыктывкар, 1994. – 36 с.

10. Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян // Русские. Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1967. – С. 166–190.

11. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища в 1954 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. – Д. 966.

12. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФ АН СССР. Серия гуманитарных наук. – Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.

13. Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – Вып. 1. – М., 1959а. – С. 164–195.

14. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск, 1970. – 224 с.

15. Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э. // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 92–135.

16. Генинг В.Ф. Этническая история населения Западного Приуралья на рубеже новой эры. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

17. Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2003. – С. 145–181.

18. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – Вып. 12. – Свердловск, 1973. – С. 58–121.

19. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.

20. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – 176 с.

21. Голдина Р.Д., Савельева Э.А. Пермские народы в эпоху железа (по археологическим материалам) // Congressus XI Internatinalis Fenno-Ugristarum. – Pars I. – Piliscsaba, 2010. – P. 33–103.

22. Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. – Ч. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1985. – С. 317–342.

23. Гусаков М.Г. К вопросу об образовании культурного слоя на городищах дьяковской культуры // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика: Материалы науч. конф. – М., 2006. – С. 36–44.

24. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции

50 лет: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск, 2004. – С. 132–139.

25. *Коренюк С.Н.* Отчет об археологических раскопках в Пермском и Оханском районах Пермской области летом 1995 года. – Пермь, 1996 / Архив кабинета археологии ПГУ.

26. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Итоги охранных археологических исследований на территории Пермской области по трассе продуктопровода «Пермь-Альметьевск-Запад» в 2000 г. // Пермский регион: история, современность, перспективы: Материалы междунар. научно-практ. конф. – Березники, 2001. – С. 51–55.

27. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Особенности погребального обряда населения Среднего Прикамья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III–V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 408–411.

28. *Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Позднегляденовский комплекс Заюрчимского VI поселения // Регионы России: Экономика, культура, история. – Березники, 2009. – С. 419–426.

29. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 2011. – 548 с.

30. *Кулябина Н.В.* Пермское Прикамье в начале эпохи великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 411–412.

31. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 191 с.

32. *Мельничук А.Ф., Корчагин П.А., Перескоков М.Л.* Исследования селища Нижняя Курья-16 в Кировском районе г. Перми // Регионы России: Экономика, культура, история. – Березники, 2009. – С. 409–415.

33. *Мельничук А.Ф., Соболева Н.В.* Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. – Устинов, 1986. – С. 99–109.

34. *Мингалев В.В.* Керамика Чазевского I могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009. – С. 125–133.

35. *Немкова В.К.* Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. – Уфа, 1978. – С. 4–59.

36. *Немкова В.К., Климанов В.А.* Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 65–71.

37. *Пастушенко И.Ю.* Роль населения Средней Камы в генезисе неволинской культуры // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всерос. науч. конф. – Сыктывкар, 2007. – С. 200–201.

38. *Перескоков М.Л.* Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. – 2011. – №.3. – С. 231–238.

39. *Перескоков М.Л.* Территория и локальные варианты позднего этапа гляденской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия «История». – Вып. I (21). – Пермь, 2013. – С. 58–66.

40. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 28 с.
41. *Петров В.П.* Подсечное земледелие. – Киев: Наукова думка, 1968. – 226 с.
42. *Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Вып. 1. – Березники, 2001. – С. 10–19.
43. *Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М.* История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье. – Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2003. – 142 с.
44. *Рогов Н.Н.* Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. – Т. 29. – СПб., 1858. – С. 45–126.
45. *Соболева Н.В.* Раскопки Федотовского городища // АО–1984. – М.: Наука, 1986. – С. 153.
46. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. – 2004. – № 3. – С. 33–43.
47. *Туганаев В.В., Ефимова Т.П.* Агрэтноботанические материалы из Верх-Саинского городища Пермской области (VI–IX вв.) // Новые источники по древней истории Приуралья. – Устинов, 1985. – С. 27–30.
48. *Туганаев В.В., Туганаев А.В.* Состав, структура и эволюция агроэкосистем европейской России (лесная и лесостепная зоны) в средневековье (VI–XVI вв. н.э.). – Ижевск, 2007. – 198 с.
49. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры: Сборник статей. – М.: Наука, 1984. – С. 5–20.
50. *Черных Е.М.* Традиции и новации в прикамском домостроительстве в контексте эпохи великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научно-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 331–337.
51. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск, 2008. – 272 с.
52. *Черных Е.М.* Межкультурное взаимодействие в Верхнем и Среднем Прикамье (по материалам жилищ V–VII в. // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. арх. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 136–137.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

ON THE DWELLINGS OF THE GLYADENOVSKAYA CULTURE AND SOME ASPECTS OF ADAPTATION TO NATURAL CONDITIONS AND FEATURES OF ECONOMIC ACTIVITIES BY THE ANCIENT PERMIANS (BACK TO V.F. GENING'S RESEARCHES DURING THE MIDDLE OF XX CENTURY)

E.M. Chernykh

Typical features of Upper-Kama dwellings characteristic of the final stage of the Early Iron Age, which have become a “calling card” of the Glyadenovo cultural community (the

so-called Fedotovo type), are analyzed in the article. In the past half-century, the data on dwellings investigated by V.F. Gening at the Fedotovo fortified settlement have been substantially completed by materials from the newly-excavated settlements. It is suggested that the differences in dwelling construction technology on different Glyadenovo culture sites cannot be invariably regarded as cultural and chronological features but often bear an adaptive character, i.e. depend on the natural environment. The version of the Fedotovo dwellings reconstruction proposed in the early works by V.F. Gening also needs some correction, which is offered by the author in accordance with a number of features.

Keywords: archaeology, the Kama River area, the Early Iron Age, the Glyadenovo culture, settlements, dwellings, construction technology, adaptation, economic type, reconstruction

REFERENCES

1. Aleshinskaia, A. S., Spiridonova, E. A. 2002. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 213. Moscow, 60–71 (in Russian).
2. Aleshinskaia, A. S., Spiridonova, E. A. 2003. In *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv (Ecology of Ancient and Modern Societies)* 2. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 3–5 (in Russian).
3. Andreeva, E. G., Petrenko, A. G. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkhologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 137–189 (in Russian).
4. Bakin, O. V. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: "Andersen" Publ., 159–168 (in Russian).
5. Belitser, V. N. 1958. *Ocherki po etnografii narodov komi (Essays on Ethnography of Komi Peoples)*. Series: Trudy instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of Institute of Ethnography. New Series) 45. Moscow (in Russian).
6. Bugrov, D. G., Linkina, L. I., Mel'nikov, L. V., Nikolaeva, K. V. 2011. In *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: "Foliant" Publ.; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 225–244 (in Russian).
7. Vasil'eva, A. V., Pereskokov, M. L. 2013. In Chernykh, E. N. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV-e Baderovskie chteniia) (XIV Baderovskie chteniia) (Historical and Cultural Heritage as a Resource for Building of Social and Historical Memory of the Civil Society: 14th O. Bader Readings)*. Izhevsk: Udmurt State University, 42–48 (in Russian).

8. Vasil'eva, A. V., Pereskokov, M. L. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm: Perm University, 22–29 (in Russian).
9. Vaskul, I. O. 1994. *Poseleniia p'ianoborskoi epokhi na Evropeiskom Severo-Vostoke (konets I tys. do n.e. – I tys. n.e.): nauch. doklad (The Pyany Bor Settlements in North-Eastern Europe in Late I Millennium BC — I Millennium AD: scientific report)*. Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Issue 338. Syktyvkar (in Russian).
10. Gantskaia, O. A. 1967. In *Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas (Russians Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: “Nauka” Publ., 166–190 (in Russian).
11. Gening, V. F. 1954. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fedotovskogo gorodishcha v 1954 g. (Report on Archaeological Excavations of the Fedotovo Hillfort in 1954)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 966 (in Russian).
12. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–219 (in Russian).
13. Gening, V. F. 1959. In *Otchety Kamskoi (Votkinskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)*. Moscow, 164–195 (in Russian).
14. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Epoch)* I. *Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (Cheganda Culture: 3rd Century BC — 2nd Century AD)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
15. Gening, V. F. 1980. In *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Basin)*. Izhevsk, 92–135 (in Russian).
16. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaiia istoriia naseleniia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe novoi ery (Ethnic History of the Western Cis-Urals Population at the Turn of Erae)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Gening, V. F. 2003. In Mel'nikova, O. M. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 9. Izhevsk: Udmurt State University, 145–181 (in Russian).
18. Gening, V. F., Goldina, R. D. 1973. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 12. Sverdlovsk, 58–121 (in Russian).

19. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
20. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoii kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
21. Goldina, R. D., Savel'eva, E. A. 2010. In *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars I. Piliscsaba, 33–103 (in Russian).
22. Gromov, G. G. 1985. In *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka (Essays on Russian Culture of 18th Century)* 1. Moscow: Moscow State University, 317–342 (in Russian).
23. Gusakov, M. G. 2006. In Uzyanov, A. A. (ed.). *Kul'turnye sloi arkheologicheskikh pamiatnikov: Teoriia, metody i praktika: Materialy nauchnoi konferentsii (Cultural Layers of Archaeological Sites: Theory, Methods and Practice: Materials of the Conference)*. Moscow: "NIA-Priroda" Publ., 36–44 (in Russian).
24. Kazantseva, O. A. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii — 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 132–139 (in Russian).
25. Koreniuk, S. N. 1996. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Permskom i Okhanskom raionakh Permskoi oblasti letom 1995 goda (Report on the Archaeological Excavations in Perm and Okhansk Districts, Perm Oblast, in the Summer of 1995)*. Perm. Archive of the Laboratory of Archaeology, Perm State University (in Russian).
26. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2001. In *Permskii region: istoriia, sovremennost', perspektivy (Perm Region: History, Present Day, Prospectives)*. Berezniki, 51–55 (in Russian).
27. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 408–411 (in Russian).
28. Koreniuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2009. In *Regiony Rossii: Ekonomika, kul'tura, istoriia (Regions of the Russian Federation: Economy, Culture, History)*. Berezniki, 419–426 (in Russian).
29. Krenke, N. A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (D'iakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
30. Kuliabina, N. V. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 411–412 (in Russian).
31. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Mel'nichuk, A. F., Korchagin, P. A., Pereskokov, M. L. 2009. In *Regiony Rossii: Ekonomika, kul'tura, istoriia (Regions of the Russian Federation: Economy, Culture, History)*. Berezniki, 409–415 (in Russian).
33. Mel'nichuk, A. F., Soboleva, N. V. 1986. In *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov, 99–109 (in Russian).
34. Mingalev, V. V. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm, 125–133 (in Russian).
35. Nemkova, V. K. 1978. In *K istorii pozdnego pleistotsena i golotsena Iuzhnogo Urala i Predural'ia (To the History of Late Pleistocene and Holocene of the Southern Ural and Cis-Urals)*. Ufa, 4–59 (in Russian).
36. Nemkova, V. K., Klimanov, V. A. 1988. In *Nekotorye voprosy biostratigrafii, paleomagnetizma i tektoniki kainozoia Predural'ia (Some Problems of Biostratigraphy, Paleomagnetism and Tectonic of the Cis-Urals Cenozoic)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Bashkir Scientific Center, 65–71 (in Russian).
37. Pastushenko, I. Yu. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (Permian Finns: archaeological cultures and ethnic groups)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 200–201 (in Russian).
38. Pereskokov, M. L. 2011. In *Prepodavatel' XXI vek (Teacher of 21st Century)* (3), 231–238 (in Russian).
39. Pereskokov, M. L. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istorii» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1). Perm, 58–66 (in Russian).
40. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zhelezного veka (pervaia polovina – seredina I tys. n.e.) (Perm Cis-Urals Area in the Final Stage of the Early Iron Age: First Half — Middle of I Millennium AD)*. PhD Diss. In 2 vols. Kazan (in Russian).
41. Petrov, V. P. 1968. *Podsechnoe zemledelie (Slash Agriculture)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
42. Poliakov, Yu. A. 2001. In *Arkheologiya i etnografiia Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 10–19 (in Russian).
43. Prokashev, A. M., Zhuikova, I. A., Pakhomov, M. M. 2003. *Istoriiia pochvenno-rastitel'nogo pokrova Viatsko-Kamskogo kraia v poslednikov'e (History of Soils and Vegetation of the Vyatka and Kama Rivers Basin in the Post-Glacial Age)*. Kirov: Vyatka State University for Humanities (in Russian).
44. Rogov, N. N. 1858. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* 29. Saint Petersburg, 45–126 (in Russian).

45. Soboleva, N. V. 1986. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 (Archaeological Discoveries in 1984)*. Moscow: "Nauka" Publ., 153 (in Russian).
46. Spiridonova, E. A., Aleshinskaia, A. S. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 33–43 (in Russian).
47. Tuganaev, V. V., Efimova T. P. 1985. In *Novye istochniki po drevnei istorii Priural'ia (New Sources on the Ancient History of Cis-Urals)*. Ustinov, 27–30 (in Russian).
48. Tuganaev, V. V., Tuganaev, A. V. 2007. *Sostav, struktura i evoliutsiia agroekosistem Evropeiskoi Rossii (lesnaia i lesostepnaia zony) v srednevekov'e (VI—XVI vv. n.e.) (Composition, Structure and Evolution of Agroecological Systems of European Russia (Forest and Forest-Steppe Belts) in Middle Ages (6th—16th Centuries AD))*. Izhevsk: Udmurt University Press (in Russian).
49. Cheboksarov, N. N., Cheboksarova, I. A. 1984. In *Tipologiia osnovnykh elementov traditsionnoi kul'tury (Typology of Basic Elements of the Traditional Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–20 (in Russian).
50. Chernykh, E. M. 2006. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of EurAsian Peoples in the Epoch of Great Migrations)*. Izhevsk, 331–337 (in Russian).
51. Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings in the Kama Region (The Iron Age))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
52. Chernykh, E. M. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 136–137 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; emch59@mail.ru